

Политическая социология: проблемы терроризма

© 2005 г.

В.Н. ИВАНОВ

ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА

ИВАНОВ Вилен Николаевич - член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН.

Успех борьбы с современным терроризмом во многом зависит от знания причин, условий и предпосылок его возникновения и активизации. В многочисленных исследованиях, появившихся на рубеже столетий и в первые годы XXI в., предприняты попытки определить феномен терроризма (политического терроризма). Наиболее удачным, с нашей точки зрения, является следующее определение; терроризм политический есть "незаконное использование насилия или угрозы насилия (убийства, взрывы, захват самолетов, зданий, заложников и т.д.) на негосударственном уровне против личностей или против собственности для запугивания или изменения курса правительства, гражданского населения или любой его части в целях достижения политических или социальных целей" [1]. Незаконное насилие в той или иной форме, используемое с политической целью, - это главный отличительный признак терроризма.

В этой связи представляется достаточно обоснованной точка зрения, согласно которой «единственным определяющим признаком терроризма в политическом сознании служит сегодня характер действия. Только на этом основании палестинская интифада и чеченский джихад могут с такой легкостью квалифицироваться или подразумеваться как эквивалентные друг другу, т.е. как "терроризм", будучи в то же время практически во всем остальном существенно различными, [2]. Именно политически ориентированное, нелегитимное, открытое (публичное), насилие лежит в его основе.

Насилие - это проявление агрессии "фрустрированных индивидов и групп, результат социального давления, превышающего возможности человека к терпению" [3]. Это наиболее откровенное, видимое средство политического и социального господства в целом, которое в отличие от скрытых, более мягких способов властвования (манипуляция, убеждение, стимулирование) прямо и глубоко ограничивает свободу социального агента путем физического воздействия на него (ограничение свободы передвижения, временное лишение дееспособности, физическое устранение) [4]. Использование такого рода форм насилия присуще террористам различных масштабов.

Несмотря на обилие литературы по терроризму и исследований в этой области, сегодня нет достаточных оснований утверждать, что познаны закономерности возникновения терроризма как социально-политического явления. Можно согласиться с утверждением, что мы имеем дело с уникальным явлением, поражающим общест-

ва, находящиеся на совершенно разных уровнях социально-политического, экономического, культурного развития и сталкивающиеся с самыми разнообразными проблемами. Любая общественная проблема в принципе может стать поводом для террористических кампаний, любая идеология - ее основанием, любое общество ее ареной" [5]. Это справедливое утверждение. Установка добиться решения какой-то политической, социальной, национальной или религиозной проблемы с помощью прямого нелегитимного насилия становится той доминантой, которая позволяет все остальные политические и идеологические конструкции рассматривать как средство оправдания террора и обоснования необходимости прибегнуть к нему.

Внимание к проблеме терроризма возросло в последней четверти XX в. во многих странах мира. В США работа в этом направлении весьма активизировалась во времена правления президента Рейгана. В Советском Союзе эта проблема рассматривалась в контексте борьбы двух мировых систем - социалистической и капиталистической - и была сопряжена с активной критикой империалистических государств в пособничестве терроризму. В деятельности последних обнаружилось попытки с помощью различных методов террора подорвать основы социалистического строя, поддержать террористические организации в финансовом и кадровом отношении. В 1990-х гг. проблема борьбы с терроризмом в России актуализировалась в связи с развалом СССР и обострением социальных противоречий на всей территории распавшегося Союза; "Российское общество еще в недавнем прошлом обладало устойчивым иммунитетом к терроризму. Однако в настоящее время он нарушен. Объясняется это тем, что терроризм, являясь по сути своей социально-политическим явлением, аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в нашем обществе уровня конфликта" [6]. И далее отмечается, что по количеству насильственных акций с использованием огнестрельного оружия, взрывных и зажигательных устройств или угроз их применения» захватов заложников, транспортных средств и средств вооружения, попыток ядерного шантажа и угроз применения компонентов химического и биологического оружия "мы имеем реальные шансы превзойти уровень подобного рода террористических акций, зарегистрированных на сегодня в мире" [там же]. Этот прогноз был опубликован в 1996 г. Прошедшие годы его полностью подтвердили. Все основные причины, порождавшие терроризм внутри нашей страны, сохранились, значительно активизировался международный терроризм на территории России.

Обращает на себя внимание оценка современного терроризма, данная учеными Института философии РАН (сентябрь 2004 г.).

1. Международный терроризм во многом есть обратная сторона политики глобализации США и других стран. Современная глобализация - это ограбление более слабых стран. Глобализация по-американски - это еще и навязывание всему миру своей массовой культуры, способов жизни и мировоззрения. Тогда терроризм может рассматриваться как уродливый ответ на этот процесс. 2. Совершенно ясно, что терроризм - это одна из глобальных проблем человечества, это нарушение нравственности и глобальная угроза жизни. 3. Острые международного терроризма повернулись в сторону Российской Федерации [7]. Идеологически политический терроризм может быть подразделен на ультралевый (анархические и коммунистические группировки типа итальянских "красных бригад", перуанских "Сендеро Луминосо", немецкой фракции "красной армии" и т.д.) и ультраправый (французская ОАС, турецкие "Серые волки", американская организация ку-клукс-клан и т.д.). Значительное распространение в XX - начале XXI вв. получил терроризм на почве этнического сепаратизма, достижения независимости регионов (баскская ЭТА, Ирландская республиканская армия, фронт национального освобождения Корсики и т.д.).

С этническим терроризмом часто тесно связан религиозный (арабо-мусульмане из палестинских группировок, исламские фундаменталисты из группировок ХАМАС, "Джихад", "Хезболла", тоталитарные секты и т.п.). Исследователи политического терроризма и в прошлые времена, в частности, отмечали, что его появление и вос-

производство обусловлены совокупностью объективных и субъективных обстоятельств и причин, не всегда одинаковых и не всегда одинаково значимых в разных регионах и странах; непосредственной и наиболее общей предпосылкой выступают кризисные процессы [8]. Обостряя противоречия в разных сферах общественной жизнедеятельности, они создают иллюзию возможного и быстрого их решения путем террора. Процессы люмпенизации и маргинализации создают "кадровые" предпосылки террористической деятельности. Хотя, конечно, это не исключает участия в терроре выходцев из состоятельных слоев общества. Терроризм, как правило, появляется там, где государство не справляется со своими непосредственными функциями, где существуют несправедливость и произвол, ограничены возможности тех или иных массовых движений бороться за достижение своих целей легальными путями, где есть дискредитация, беззаконие и нарушение прав человека [9].

Представляют несомненный интерес оценки экспертов и реакции массового сознания на современный терроризм. Всероссийское социологическое исследование в июле 2004 г. (рук. В.К. Левашов, респонденты $N = 1627$; эксперты $N = 438$), Показана близость позиции экспертов и населения в определении основных причин, детерминирующих феномен терроризма. Так, например, соответственно, 48 и 59% в качестве таковых назвали новый передел мира из-за энергоресурсов и полезных ископаемых, рынков сбыта; бандитизм, разбой, грабеж - 44 и 34; неспособность политиков справиться с задачами развития человечества - 35 и 39%.

Несколько больше различались ответы респондентов и экспертов на вопрос о том, как можно искоренить терроризм. 55% респондентов и 44% экспертов считают, что необходимо беспощадно уничтожать террористов; соответственно 49 и 71 уверены, что терроризм - это только инструмент, нужно устранить его причины: неравенство, несправедливость, угнетение; 46 и 41 - за усиление пограничного контроля; 16 и 15 ответили, что победить международный терроризм можно, ограничив демократические свободы.

Ставка на силу характеризует в известном смысле массовое сознание в целом, его нынешнее состояние. Эксперты рассматривают терроризм как явление, вызванное комплексом причин социального и политического характера. Рассматривая проблему субъектов политического террора, следует остановиться на некоторых принципиально новых обстоятельствах, на которые обращено внимание в ряде недавних исследований. Так, отмечается, что в настоящее время «мы имеем дело с новым по своему воздействию феноменом, который не укладывается ни в понятие государства, ни в понятие этнических общностей. Речь идет о "неформальных сетях" - диспорные, радикально фундаменталистические или наркокриминальные коалиции, которые сегодня играют огромную роль. Причем они не обязательно привязаны к одной какой-то этнической группе... Сейчас появляются транснациональные и "псевдоцивилизационные" общности - исламская, арабская, тюркская, магрибская. Солидарность здесь выстраивается по причудливым принципам, [10]. В последнее время ими накоплен значительный опыт приспособления к условиям глобализации, что находит отражение в тактике их деятельности и в программных положениях. Они сегодня выступают в роли как инициаторов насилия, так и непосредственных исполнителей террористических акций.

Еще на одно новое обстоятельство, характеризующее современный терроризм, обращают внимание исследователи этого феномена: "Сейчас проявляется особая, новая функция террористических актов. Классический терроризм был формой шантажа властей или мирового сообщества, он открыто (и даже демонстративно) выдвигал свои требования, например, выплатить выкуп, освободить из тюрем своих единомышленников, прекратить военные действия и т.п. Но в последнее время все чаще совершаются анонимные террористические акты с неявными целями. Одной из них может быть сплочение или расширение собственных рядов в ответ на спровоцированные акты возмездия" [11]. Расширение возможностей рекрутирования своих сторонников - это одна из фундаментальных задач террористов, решение которой

осуществляется разными способами. В свое время Л. Троцкий, анализируя происходящее в СССР, обратил внимание на важный источник терроризма: "Случайный выстрел под влиянием личного аффекта возможен всегда. Но террористический акт, заранее подготовленный и совершенный по поручению определенной организации, немислим, как учит вся история революций и контрреволюций, без сочувственной политической атмосферы" [12]. Наличие подобной атмосферы в обществе питает терроризм. И нужны значительные усилия, чтобы эту атмосферу изменить. Достаточно вспомнить ситуацию франко-алжирских отношений в 1950-е гг.; решительные, неординарные действия де Голля, сумевшего, в конечном счете, эту ситуацию переломить. Нечто подобное мы наблюдаем сегодня в некоторых регионах Северного Кавказа (Чечня, Ингушетия, Дагестан). Конечно, сочувственная атмосфера по отношению к незаконным вооруженным формированиям (боевикам) не характерна для северокавказских республик РФ в целом. Но у определенной части населения они встречают поддержку. На это прямо, например, указывают результаты социологических исследований. Так, проведенный сразу после террористической атаки на Беслан социологический опрос в Северной Осетии-Алании (рук. Х.В. Дзудев) показал, что значительная часть опрошенных считает, что чеченские боевики пользуются поддержкой своего народа и народа Ингушетии. Не менее опасным, чем идейно-нравственная поддержка терроризма, является привыкание к нему, своего рода адаптация, отношение как к чему-то банально неизбежному в наше время. Как показывают результаты ряда социологических исследований, значительное количество опрошенных не видят эффективных путей борьбы с терроризмом, и тем более сокрушения его. Не случайно чувство тревоги и страха прочно поселилось в массовом сознании в последние годы [13]. Так, в ходе телефонного опроса москвичей в октябре 2004 г. задавался вопрос: "Испытываете ли вы страх, находясь в многолюдных местах?", - положительно ответили 57% опрошенных, и только 28% - ответили, что не испытывают. Причем среди тех, кто испытывает страх (44%), составляли мужчины.

Это одно из тягчайших последствий террористических атак на Россию. Очень точно и очень эмоционально об этом сказал В.И. Добренькое: "Страх за собственную жизнь и жизнь детей своих ввергает всех людей в состояние тревоги, постепенно, медленно и неуклонно парализует их волю. Поражает не просто терпение, о котором так много говорено как о некоей положительной черте характера, поражает рабская покорность, которая превращает великий и могучий русский народ в послушную, аморфную, разобщенную массу, которая мирится с реальным положением вещей, которая не способна оказывать сопротивление злу, которая боится и не хочет бороться с криминалом и бездействием властей, которая постоянно утрачивает веру в возможность торжества права на безопасную и спокойную жизнь. Молчание и покорность губят Россию. Если она не проснется, то ее бездействие приведет к величайшей катастрофе" [14].

Говоря об идейных истоках современного политического терроризма, следует обратить внимание не только на национализм и религиозный экстремизм, но и на идеологию левого радикализма, получившую достаточно заметное развитие особенно в европейских странах в 1960-е и 1970-е гг. В то время было очевидно, что «тема насилия пронизывает все основные работы современных леворадикальных теоретиков. С нее начинаются, и на ней замыкаются их рассуждения о современном обществе, о формировании "нового человека" и новой среды, о "нерепрессивном" обществе. Мотив насилия - та точка, где наглядно перекрещиваются взгляды леворадикальных идеологов, стоящих на различных мировоззренческих позициях и политических платформах. Не секрет, что это насилие "запрограммировано" и воплощено во всех механизмах различных общественных и "в первую очередь в механизмах, связывающих индивида с государством. Насилие воплощено в самих потребностях, в их содержании, структуре, способе удовлетворения. Насилие проповедуется массовой культурой" [15].

Ничего нет удивительного, что активно пропагандируемое насилие приобрело характер всеобщности и перешагнуло европейские границы. Насилие рождает насилие. Оно как теоретический постулат стало элементом политической практики, причем в очень жестких формах. Достаточно вспомнить уже в наше время события в Косово, которые явили собой образчик политического терроризма на государственном уровне, хотя ныне политическое насилие воплощается отнюдь не только в деятельности государств, но и многочисленных группировок и террористических организаций.

Как отмечает французский специалист Арно Калика, "насилие характеризуется двумя видами наступательных действий. Во-первых, это исламский джихад, зародившийся как реакция отсталой культуры на вторжение западной цивилизации. Во-вторых, это подход Соединенных Штатов, которые, получив 11 сентября 2001 г. удар в самое сердце, пытаются отомстить посредством "миссионерской кампании". Последняя направлена на систематическое уничтожение врагов Америки, "обращение" еще не определившихся в веру в американские ценности, а также на переустройство планеты в соответствии с интересами Вашингтона" [16]. Это весьма серьезное утверждение, позволяющее объяснить, почему в различных странах мира, выразивших сочувствие США в связи с террористической атакой 11 сентября, падает уважение к проводимой ими внешней политике в последнее время. Кампания США против Ирака получает все большее осуждение не только международной общественностью, но и значительной частью населения США. США, объявив, по сути, весь мир зоной своих интересов, прямо заявили о своих претензиях на мировое господство, спрятав их под словами о "мировом лидерстве".

Избрание Дж. Буша на новый срок дает основания предположить, что ориентация на внешнеполитический диктат сохранится. Известный американский политолог, заместитель директора Дейвис-центра российских и евразийских исследований при Гарвардском университете Маршалл Голдман прямо заявил, что избрание Дж. Буша дает ему повод провозгласить крестовый поход за "моральные ценности". Подобное устремление, несомненно, отразится и на внешней политике. В результате упор на односторонние действия в политике Вашингтона усилится [17]. Очевидна американская тактика двойных стандартов.

Окончание холодной войны не только знаменовало победу Запада над социалистическим лагерем, но и обнажило его действительную роль в создании своеобразных "центров силы и противодействия". Такого рода центры получили прямую технологическую и военную помощь США и других развитых стран Запада. Но при этом ни исламские страны, ни афганские моджахеды, получившие эту помощь, не только не утратили свои культурные и цивилизационные особенности, но и получили возможность их всячески укреплять. В настоящее время можно утверждать, что Западу противостоят страны-конкуренты, прежде всего, Восточной Азии и страны аутсайдеры, не смиряющиеся со своим униженным и зависимым положением. Это тот глобальный фон, на котором в перспективе возможны новые конфликты, в том числе и с применением военной силы. Конфликтная атмосфера создает весьма благоприятную почву для применения насилия в той или иной форме, в том числе и в форме террористических актов.

Сегодня среди политологов и международных аналитиков много говорят и пишут о возможной войне цивилизаций и о ее катастрофических последствиях: "Война цивилизаций может быть одной из самых страшных войн. Нечувствительность представителей одной цивилизации к ценностям ("лжеценностям") другой цивилизации может оказаться фатальной. Можно смести с лица земли все учебные центры терроризма, но если мы оставим в неприкосновенности его постоянно пополняемые источники - поразительное материальное неравенство, нечувствительность к тем, кто считает себя обиженными (справедливо или не справедливо - в данном случае это не радикально важно), фактическое неравенство при формально провозглашенном равенстве - тогда точность летчиков в ходе войны в Афганистане менее важна, чем

фанатизм сентября" [18]. Бесспорно, проявления такого рода противоборства могут приобрести угрожающие для всей планеты масштабы.

Сегодня некоторые исследователи рассматривают борьбу с международным терроризмом как четвертую мировую войну. Третьей считается "холодная война", приведшая к распаду одной из двух воюющих сверхдержав - СССР: "Война эта неотделима от процессов глобализации мира, поскольку по большому счету она - одно из проявлений кризиса индустриальной фазы развития,.. В этой войне сражаются даже не страны, а глобальные проекты будущего; китайский, арабский, американский, германский, кельтский (европейский), японский и русский. Столкновение проектов будет происходить по большей части в пространствах геокультуры и геоэкономики. Но будут и военные действия, которые примут вид террористических актов, осуществляемых, разумеется, чужими руками, которых не жалко" [19]. С этой точкой зрения во многом можно согласиться. Конечно, за каждым "проектом" стоят страны - их инициаторы и исполнители. Так было вчера и сегодня.

Говоря о причинах террористических атак на Россию, заместитель главы администрации Президента РФ Владислав Сурков в интервью "Комсомольской правде", в частности, отметил, что в Америке и Европе есть деятели, продолжающие жить фобиями "холодной войны", рассматривающие нашу страну как потенциального противника, препятствующие осуществлению полной финансовой блокады террористов и их политической изоляции; "Они считают своей заслугой почти бескровный коллапс Советского Союза и пытаются развить успех. Их цель - разрушение России и заполнение ее огромного пространства многочисленными недееспособными квазигосударственными образованиями" [20].

Нужно подчеркнуть, что такие политические деятели нередко тесно связаны с нашей страной, с так называемой пятой колонной. Этот альянс представляет собой сегодня для Российской Федерации главную угрозу. Северный Кавказ - это сегодня основной полигон их диверсионной деятельности по расчленению России. Осуществляемый с помощью незаконных вооруженных террористических формирований их активным пособником выступает криминалитет.

Уже в середине 1990-х гг. исследователи проблемы борьбы с терроризмом в России отмечали такую тенденцию, как интеграция терроризма, организованной преступности и наркобизнеса, привлечение отдельными политиками уголовных группирований к борьбе за власть [6, 129]. Эта тенденция в последующие годы не только сохранилась, но и значительно усилилась. Именно благодаря такого рода интеграции решаются многие вопросы финансирования террористов, их прикрытия и перемещения.

Не вызывает сомнения, что питательной средой для терроризма является среда криминальная. Именно отсюда чаще всего рекрутируются исполнители самых жестоких акций. К тому же криминальная среда воспроизводит все в больших масштабах насилие как таковое. Если недавно на весь Советский Союз с его 250-миллионным населением регистрировалось в год до 700 тыс. преступлений, то в настоящее время только на Российскую Федерацию в год приходится более 3 млн. преступлений, а с учетом латентной преступности - от 10 до 15 млн. преступлений.

Организуя процесс противодействия терроризму, мы должны учесть и использовать в необходимых масштабах опыт других стран, в частности, опыт США, сумевших обезопасить себя в значительной мере с помощью системы силовых мер, принятой после сентября 2001 г. Квинтэссенция этой системы изложена в книге бывшего командующего Объединенными силами НАТО в Европе генерала в отставке У. Кларка, где, в частности, отмечается, что американская стратегия должна ориентироваться на вскрытие корней терроризма; экстремистской идеологии ваххабизма; финансирования террористов со стороны Саудовской Аравии; обедневшего, разделенного на классы, коррумпированного общества в Пакистане и его медресе; накопец, на вскрытие связей террористов с палестинцами. И все же факты терроризма имеют более фундаментальное происхождение. Их исток - глубокое чувство не-

справедливости и бессилия в совокупности с идеологией, которая превращает это чувство в гнев по отношению к Западу. Таким образом, победа в войне требует глубоких реформ в несостоявшихся государствах Ближнего Востока; более прагматического образования, всеобъемлющего экономического развития и широкой политической вовлеченности. Кроме того, необходимо установление справедливого и окончательного урегулирования конфликта между Израилем и палестинцами. Для того чтобы США смогли осуществить перемены в этих проблемных регионах, необходима куда более интенсивная деятельность, подкрепленная значительной помощью в экономическом и политическом развитии. Учитывая опыт войны с Ираком, Америке важно оказывать эту помощь через международные и региональные организации везде, где это возможно.

Кларк отмечает необходимость провести серьезные исследования и разработки, чтобы создать технологии, стратегии, организации и подготовить специалистов, которые смогут отправиться в "несостоятельные государства" и содействовать там политическим и экономическим реформам в сотрудничестве с американскими союзниками и друзьями. Эти реформы будут отвечать насущным потребностям и устранять первопричины терроризма и конфликтов [21].

Не менее интересен, чем американский, опыт других стран, например, Алжира, Египта, Индии, Индонезии, Израиля. Пожалуй, наиболее масштабными и жестокими были акции террористов (исламских фундаменталистов) в Алжире и Египте в 1980-е годы. Именно они развязали гражданские войны, унесшие десятки тысяч человеческих жизней. Как отмечает известный исследователь этих проблем Г. Энгельгардт, общим для Египта и Алжира в борьбе с терроризмом было активное и "широкое" привлечение к борьбе с экстремистами местного населения в форме отрядов самообороны или сил "патриотов" [22]. Такого рода практика приводила к политической изоляции экстремистов, серьезно затрудняла их деятельность, лишала какой бы то ни было поддержки со стороны населения, и вместе с тем это помогло армии и спецслужбам осуществлять активные контртеррористические действия. Стратегия борьбы с терроризмом в этих странах включала также взятие под контроль исламской инфраструктуры своих стран, проведение исследовательской линии на удаление из мечетей радикальных имамов, пресечение каналов внешнего финансирования как вооруженного крыла экстремистов, так и их политических организаций.

Конечно, учет опыта борьбы с терроризмом других стран - условие необходимое, но еще не достаточное. Наше собственное видение методов и форм подобной борьбы должно опираться на отечественный опыт и собственные ресурсы: нравственные, интеллектуальные, экономические, оборонные. Многие в этой связи уже сказано как самим Президентом РФ, так и специалистами-силовиками. Участвуют в этом деле и ученые разных направлений и областей научного знания. Что можно сказать в порядке комментария и добавления к уже прозвучавшему.

Первостепенное значение приобретает оздоровление атмосферы в стране, ликвидация разрыва между обществом и государством, возвращение доверия народа к органам власти, без чего последняя не получит необходимой поддержки в борьбе с политическим терроризмом. Предпосылкой оздоровления атмосферы выступают также усиление борьбы с коррупцией, меры, делающие понятной политику государства для населения, преодолевающие причины, вызывающие экстремальные формы протестного поведения.

Россия выступает одним из главных государств, призванных инициировать установление международно-правовой ответственности за любую форму содействия международному терроризму и, соответственно, уголовно-правовую ответственность должностных лиц, стимулировать развитие межконфессионального диалога, формирование оптимальных условий для осуществления проблем религий, культур, цивилизаций.

Перспективы борьбы с терроризмом нельзя рассматривать в отрыве от перспектив страны в целом. Наиболее опасным в этом отношении видится поляризация до-

ходов населения и социальный разлом общества, который привел к возникновению "двух России", противостоящих и уходящих друг от друга. «Это тем опаснее, что в "страну" богатых и очень богатых (включая "олигархов" и всякого рода магнатов), а также высокообеспеченных, фактически входит политическая элита, которая не знает или не хочет знать, как существует большинство населения, как живет "страна" бедняков, доходы и потребление которых не достигают прожиточного минимума, сформированного на биологическом уровне, [23]. В этих "двух Россиях" социальные процессы имеют противоположные векторы развития, в результате чего происходит дезинформация общества, растет социальное недовольство и напряженность, "активизируются асоциальные и часто криминальные формы самоорганизации" [23,44].

На основе результатов общероссийского социологического исследования "Богатые и бедные в современной России" ученые ИКСИ РАН пришли к выводу, что две трети бедных испытывают ощущение несправедливости всего происходящего; более половины полагают, что так дальше жить нельзя, и одновременно чувствуют собственную беспомощность из-за невозможности изменить что-либо. И далее: "Если скудные ресурсы бедных, не способные обеспечить самостоятельную адаптацию и преодоление трудной материальной ситуации, будут и дальше истощаться, то углубление их социальной деградации и маргинализации, а следовательно, рост угрозы тех или иных кризисов и социальных конфликтов в российском обществе неизбежны" [24]. В такой стране, как Россия, где эгалитаристские ценности всегда разделялись значительной частью (если не большинством) населения, возможны различные проявления социального недовольства, в том числе, как свидетельствует исторический опыт, и в экстремистских формах. В исследованиях отечественных футурологов есть в этой связи сценарии как оптимистические, так и пессимистические. К последним нужно присмотреться с особым вниманием. Связано ли будущее России с ростом насилия, репрессиями, ограничениями демократии? Ответ на этот вопрос содержится, в частности, в книге С.Норки "Заговор против России" [25]. Автор рисует картину установления в России диктатуры, говорит о том, что народ унижен зрелищем богатства немногих олигархов, которые осатанели от того, что им уже "больше ничего не хочется". Созрел заговор, и к власти пришел диктатор, который немедленно принялся "пропалывать" страну, физически уничтожая ненавистных народу коррупционеров, преступников и всех тех, чьи имена связаны в сознании народа с позором нищеты и грабежом страны в течение последних пятнадцати лет.

Диктатура, считает Норка, естественная форма государственного устройства в трудные времена. Демократия - краткая передышка на историческом пути человечества, когда люди, настрадавшись, позволили себе расслабиться. Как отмечается в рецензии на эту книгу, «на книжные страницы перенесены самые страшные мечты нескольких поколений обманутых граждан России, жаждущих мести. Что это? Утопия? Антиутопия? Да, разумеется. Роман. Да, но тогда и "Капитал" Маркса тоже роман. Или руководство к действию?, [26].

Конечно, сегодня есть основания предполагать, что Россия сумеет реализовать иной сценарий, основанный на успешном решении насущных социально-политических и экономических проблем и создающий необходимые предпосылки для успешной борьбы с политическим терроризмом. Оптимальным для России может стать сценарий, предложенный учеными РАН и названный "стратегией социальной солидарности" [27]. В этом случае государство будет проводить курс на социально-политическую интеграцию общества не путем авторитарного принуждения, а путем снижения социальной поляризации и преодоления критического имущественного расслоения и бедности, рождающих социальное недовольство и протест. Отношения в обществе выстраиваются на основе национального партнерства государства, наемного труда и работодателей. Социальная политика государства регулирует перераспределение общественного продукта в пользу менее трудоспособных и нуждающихся. Стратегия социальной солидарности означает отход от конфронтационных идео-

логий и реализацию установок на традиционные гуманистические ценности, социально-экономическое развитие в интересах большинства членов общества. Именно стратегия социальной справедливости лишает социальных предпосылок экстремистские проявления в любой форме и создает необходимые предпосылки для демократического управления и утверждения гуманистических ценностей. Какой сценарий возобладает, покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Яшилавский А.В.* Терроризм политический. Новая философская энциклопедия. В 4 тт. Т. 4. М., 2001. С. 57.
2. *Никитаев В. В.* Тело террора. К проблеме теории терроризма // Полигнозие. 2003, № 3. С. 63.
3. *Буева Л.П.* Несостоятельность аргументов в пользу насилия // Насилие; философия, этика, политика. М., 1993. С. 62.
4. *Дмитриев А.В., Залысин И.Ю.* Насилие. Социально-политический анализ. М., 2000. С. 146.
5. *Баранов А. С.* Проблематика социального прогнозирования террористических проявлений // Тезисы докладов и выступлений на 11 Всероссийском конгрессе. Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. М., 2003. Т. 2, С. 341.
6. Белая книга российских спецслужб. М., 1996. С. 124.
7. См, Социальные болезни современности // "Вестник Российского философического общества". 2004, № 3. С. 66.
8. *Витюк В.В., Эфиоров С.А.* "Левый" терроризм на Западе; история и современность. М., 1987. С. 244.
9. *Злобин Н.* Питательный бульон терроризма // Независимая газета. 2004, 9 февраля. С. 2.
10. *Тишков В. А.* Социально-культурный аспект феномена терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М., 2002, С. 25.
11. *Паин Э.А.* О роли формальных и неформальных институтов в эскалации экстремизма и терроризма // Куда идет Россия? Международный симпозиум 18-19 января 2002 г. М., 2002. С. 91.
12. *Троцкий Л.* Сталинская бюрократия и убийство Кирова // Публицистика русского зарубежья (1920-1945). Сборник статей. М., 1996. С. 202.
13. *Ольшанский Д.* Психология террора. М., 2002.
14. Нас убивают. М., 2004. С. 8.
15. *Баталов Э.Я.* Философия бунта. М., 1973. С. 178-179.
16. *Колика А.* Россия должна избежать "палестинизации" // НГ-Дипкуррьер. 2004, 11 октября. С. 9.
17. *Голдман М.* Америка раскололась надвое // Независимая газета. 2004, № 242, 5 ноября, С. 10.
18. *Уткин А.* Вызов Запада и ответ России. М. С. 426.
19. *Нестерова О.* Шахиды и глобализация // Аргументы и факты. 2004, № 44. С. 21.
20. Путин укрепляет государство, а не себя. Интервью заместителя главы администрации Президента РФ *Вл. Суркова* // Комсомольская правда. 2004, 29 сентября. С. 4-5.
21. *Кларк У.* Как победить в современной войне. М., 2004. С. 229.
22. *Энгельгардт Г.* Уроки Алжира и Египта // Независимая газета. 2004, 24 сентября. С.11..
23. *Римашевская Н.М.* Две России - социальная поляризация постсоветского общества // Справедливые и несправедливые неравенства в современной России. М., 2003. С. 43.
24. Россия - новая социальная реальность. Богатые, бедные, средний класс. М., 2004. С. 83.
25. *Норка С.* Заговор против России. М., 2004.
26. *Романов Н.* Группа свободной охоты // Независимая газета. 2004. 21 октября.
27. Реформирование России: реальность и перспективы. М., 2003. С. 384-386.